

АНТРОПОНИМЫ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII ВЕКА: О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИМЕНИ В ОДЕ И ТРАГЕДИИ*

1

В филологической науке в течение уже нескольких десятилетий активно развивается антропоцентрический подход к языку и литературе; можно говорить о все большем распространении антропоцентрической парадигмы, «в которой изучаемая система рассматривается с учетом того, что обязательным компонентом либо самой системы, либо среды, в которой она функционирует, является человек».¹ Соответственно, в разных аспектах словесной культуры видят прежде всего различные проявления речемыслительной деятельности человека. Подход этот базируется на достижениях лингвистики текста, лингвистической pragmatики, теории речевых актов, неориторики, он также связан с концепцией языковой личности и, с другой стороны, с культурно-антропологическими исследованиями в области литературы.² Распространение антропоцентризма в области филологических изысканий требует пристального рассмотрения целого ряда проблем на другом, нежели прежде, уровне, учитывая современные научные достижения в перечисленных сферах гуманитарного знания. Одной из таких проблем является проблема антропонимов, которая приобретает здесь особое значение, так как появление антропонима в тексте является сигналом диалога языковой личности с другими.³

Рассматривая функционирование антропонимов в языке и литературе, следует всегда памятовать о том, что каждая эпоха формирует свой корпус антропонимов, а также о том, что базовые принципы номинации исторически изменчивы. В истории русской письменности как раз в этом разрезе несомненный интерес представляет XVIII столетие; проблема личных имен в словесной культуре того времени является крайне важной по многим причинам. Во-первых, антропонимы XVIII века менее изучены по сравнению с антропонимами древнерусской словесности и литературы XIX–XX веков.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ 18-012-00321A «Антропонимы в русской словесной культуре XVIII века (историко-литературный и лингвистический аспекты)» (рук. П. Е. Бухаркин).

¹ Арнольд И. В. Парадигма антропоцентризма, прагмалингвистика и стилистика декодирования // Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. СПб., 1999. С. 172–173.

² Из ярких примеров последнего времени здесь можно привести недавнюю книгу: Зорин А. Л. Появление героя: из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII — начала XIX века. М., 2016.

³ Из относительно недавних коллективных исследований в области литературной антропонимики, охватывающих широкий круг проблем, укажем: *Namen in der russischen Literatur. Имена в русской литературе / Hrsg. von M. Freise. Wiesbaden, 2013 (Opera Slavica. Neue Folge. 57).*

Об этом свидетельствуют, в частности, данные двух обширных библиографических указателей работ по русской литературной ономастике — С. И. Зинина и Г. Ф. Ковалева:⁴ в первом указателе насчитывается 1326 наименований, во втором — 3244 наименования, при этом работ, непосредственно связанных с антропонимикой в русской словесности XVIII века, не более тридцати. Важно отметить, что имена собственные обычно не включаются в словарь исторических словарей XVIII века («Словарь Академии Российской», «Словарь русского языка XVIII века» и др.), тем более не учитываются словарями и случаями апеллятивации (т. е. перехода имен собственных в имена нарицательные), хотя необходимость этого осознавалась уже в XVIII веке. Известно, например, что Д. И. Фонвизин в письме О. П. Козодавлеву, которое имело во многом публичный характер (письмо в защиту «Начертания для составления толкового словаря славяно-российского языка», 1784), настаивал на включении имен собственных в «Словарь Академии Российской»: «Я желал бы, например, чтоб в словаре нашем было истолковано, что имя Нерон заключает в себе идею лютого тирана, Тит — государя милосердого, Сарданапал — тирана сладострастного; что Зоилом именуется злобный и презрительный критик; что имя Катилина сделалось титлом высокомерного врага отечеству».⁵

Во-вторых, именно в XVIII веке русская культура активно усваивает общеевропейский антропонимический культурный тезаурус — имена мифологических персонажей, исторических и культурных деятелей, который органично соединяется с национальной традицией. Процесс такого слияния занял длительное время и проходил в несколько этапов, каждый из которых представляет большой культурный интерес. На исходе века мы видим уже достаточно гармоничную картину, выразительным свидетельством чему может, в частности, служить рассуждение А. Н. Радищева из «Жития Федора Васильевича Ушакова»: «Равно имениты для нас Нерон и Марк Аврелий, Калигула и Тит, Аристид и Шемяка, Картуш, Александр, Катилина и Стенька Разин; все славны, все живут на памяти потомства и не возмущаются тем, что о них мыслят».⁶ Следует отметить здесь большую роль, сыгранную переводной литературой; значение и удельный вес переводов и переделок в русской литературной жизни XVIII столетия трудно преувеличить. Вместе с тем вопрос о передаче имен персонажей русскими переводчиками исследовался крайне мало, хотя он сам по себе представляет важную научную проблему.

В-третьих, к концу XVIII века создается культурно-исторический антропонимический канон, т. е. формируется круг значимых для национального сознания исторических персонажей. Наиболее полно он представлен в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, но начало его формирования относится к предшествующим историческим трудам (М. В. Ломоносов, В. Н. Татищев, М. М. Щербатов). Важным представляется, что этот канон нашел отражение в художественных текстах XVIII века (торжественной оде, трагедии, ораторской прозе, героической поэме).

В-четвертых, в завершающие век десятилетия начинает складываться новая номенклатура имен литературных героев. До 1780-х годов большинство

⁴ Зинин С. И. Поэтическая ономастика (собственные имена в художественной литературе и фольклоре). Библиография литературы на русском языке 1905–2006 гг. См.: <http://imja.name/poehtonimy/poehtonimy.shtml>; дата обращения: 30.04.2020; Ковалев Г. Ф. Библиография ономастики русской литературы по 2010 год. Воронеж, 2014.

⁵ Фонвизин Д. И. [В защиту «Начертания】 // Фонвизин Д. И. Собр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1959. Т. 1. С. 254. Благодарим С. С. Волкова за напоминание об этом высказывании Д. И. Фонвизина.

⁶ Радищев А. Н. Житие Федора Васильевича Ушакова // Радищев А. Н. Полн. собр. соч.: [В 3 т.]. М.; Л., 1938. Т. 1. С. 178.

литературных героев носили или условный и заимствованный характер, или были «говорящими» и содержали в себе однозначную оценку героя. В эпоху сентиментализма имя героя принципиально меняется: антропонимы из живого языка (например, *Лиза, Евгений, Юлия, Маша, Нина* и др.) активно проникают в литературу, получая своеобразный эстетический статус, что требует специального изучения. Кроме того, в литературных произведениях конца XVIII века обнаруживаются примеры заимствования имен из других текстов в целях литературной игры (хрестоматийным примером этого является *Фелица* Г. Р. Державина).

Мы указали лишь некоторые, основные причины, обуславливающие особое значение XVIII столетия для дальнейшего исследования истории русской антропонимики. Однако и их достаточно для осознания важности проблематики такой направленности; изучение антропонимов в языке и литературе XVIII столетия сможет существенно обогатить наши представления о словесной культуре той эпохи. Следует отметить, что важность подобных штудий осознавалась; несмотря на относительную малоизученность антропонимов в языке и литературе XVIII века, они все же привлекали к себе внимание исследователей. Достаточно назвать (даже не указывая их конкретных работ и нисколько не претендуя на полноту) имена таких ученых, как Т. Е. Абрамзон, П. Н. Берков, В. М. Живов, Г. Кайперт, О. Б. Лебедева, Ю. М. Лотман, С. И. Nicolaev, К. В. Пигарев, И. З. Серман, Ю. В. Стенник, В. Н. Топоров, Б. А. Успенский. В исследованиях и только что перечисленных, и других филологов были произведены сбор и систематизация антропонимов и их дальнейший анализ во многих и весьма различных аспектах.

И вместе с этим перед исследователями личных имен в русской словесности XVIII столетия стоит еще немало вопросов самого серьезного свойства. Так, дальнейших разысканий и даже просто уточнений требует комментирование антропонимов в произведениях XVIII века; целый ряд существующих комментариев (даже в самых авторитетных изданиях) содержат в себе не только пропуски, но и прямые неточности. В качестве примера приведем досадные ошибки подготовки текста и комментария к «Оде российскому воинству в феврале 1769» М. М. Хераскова. Здесь, в обращении к туркам, читаем:

Ты в гордых мыслях и словах
Прямую славу заключаешь,
Вселенную разрушить в прах
От стен Византских угрожаешь,
Продерзкий род! иль ты забыл,
Каков у россов Минин был,
Свою напасть и их победы?⁷

Антропоним прокомментирован следующим образом: «Минин — Кузьма Минич Захарьев-Сухорук (ум. 1616), один из руководителей русского народного ополчения, освободившего в 1612 г. Россию от польских интервентов».⁸ Возникает вопрос: почему турки должны вспомнить о Кузьме Минине, который не имеет никакого отношения к русско-турецким войнам, о которых идет речь в оде? Недоумение разрешается при обращении к тексту оды в Полном собрании сочинений Хераскова, в котором вместо имени *Минин* напечатано *Миних*.⁹ То есть в оде речь идет о генерал-фельдмаршале Б. К. Минихе,

⁷ Херасков М. М. Избр. произведения / Вступ. статья, подг. текста и прим. А. В. Западова. Л., 1964. С. 65 (Библиотека поэта. Большая сер.).

⁸ Там же. С. 377.

⁹ Херасков М. М. Творения: В 12 ч. М., 1796–1803. Ч. 7. С. 136.

участнике русско-турецкой войны 1735–1739 годов, главнокомандующем русской армией в ходе знаменитого взятия Хотина (1739), воспетого М. В. Ломоносовым. События этой войны, связанные с самыми громкими победами русского оружия, упоминаются в следующей строфе:

Хотин еще в крови стоит,
Бендерских стен верхи дымятся,
Азов разрушенный лежит,
Брега дунайски гробом зрятся...¹⁰

Эти реалии прокомментированы вполне корректно («Хотин, Бендеры, Азов — турецкие крепости, взятые штурмом русскими войсками в войну 1736–1739 гг., но затем снова возвращенные Турции»¹¹), что делает предыдущий комментарий особенно странным. В той же оде Хераскова чуть ниже помещен следующий фрагмент:

Летите, россие орлы,
Карать рушителей спокойства!
Во всех странах гремят хвалы
И слухи вашего геройства;
Весь свет бы Фридрих победил
И больше б Александра был,
Коль россов не было бы в свете:
Победоносной их рукой
Европе мир дан и покой;
Их слава ныне в полном цвете.¹²

К имени *Фридрих* приводится следующий комментарий: «Фридрих — прусский король Фридрих-Вильгельм II (1712–1786)».¹³ В действительности речь, конечно, не о Фридрихе-Вильгельме II (1744–1797), а о его дяде, Фридрихе II Великом (в комментарии приведены его годы жизни: 1712–1786, ошибочно приписанные Фридриху-Вильгельму), именно он, увеличивший территорию Пруссии вдвое, мог сравниваться с Александром Македонским.

Подобные случаи среди прочего ясно демонстрируют необходимость дальнейших и многоаспектных исследований в области русской антропонимики XVIII столетия. К числу малоизученных вопросов относится и проблема образно-переносного употребления имен собственных в русской литературе XVIII века, т. е. способов преобразования их семантики в художественном (поэтическом) контексте. Как раз на этом круге вопросов мы и остановимся в дальнейшем, сосредоточившись на двух «высоких» жанрах — на трагедии и торжественной оде. Именно эти жанры принадлежат к наиболее известным и художественно выразительным достижениям русской словесности XVIII столетия в высоких ее регистрах, они содержат богатый и выразительный материал для исследования, который, между прочим, объединен многими общими особенностями, в частности — отчетливостью тех семантических преобразований, которые претерпевало имя собственное в поэтическом тексте.

Термин «антропоним» в настоящем исследовании понимается широко: для нас это, во-первых, собственно антропоним в узком смысле, «любое соб-

¹⁰ Херасков М. М. Избр. произведения. С. 65.

¹¹ Там же. С. 377.

¹² Там же. С. 66.

¹³ Там же. С. 377.

ственное имя, которое может иметь человек», во-вторых, мифоантропоним, т. е. имя мифологического героя; в-третьих, теоним, «собственное имя божества в любом пантеоне».¹⁴ Причиной такого широкого понимания термина «антропоним» является то обстоятельство, что для русской литературы XVIII столетия типично объединение реальной и нереальной ономастики.

2

Приступая к рассмотрению антропонимов в трагедии русского классицизма, следует прежде всего отметить, что в абсолютно преобладающем количестве случаев они являются прямыми обозначениями непосредственно выступающих на сцене героев. Так, в первой русской классицистической трагедии — в «Хореве» А. П. Сумарокова — из 282 встречающихся там имен собственных только один случай не связан с наименованиями действующих лиц — упоминание Перуна в реплике Оснельды (3 явл. 1 д.):

Перун! Почто меня от смерти ты избавил,
А, жизнь оставя, дал ты чувствовати честь?¹⁵

«Хорев», правда, не вполне типичный пример, точнее, — крайнее выражение отмеченной тенденции; в других трагедийных текстах антропонимы, не указывающие на действующих лиц, появляются значительно чаще. Например, в самом начале трагедии М. М. Хераскова «Освобожденная Москва», в одном лишь 1 явл. 1 д., названы имена патриарха Филарета, Владислава (сына короля Речи Посполитой Сигизмунда III Вазы и впоследствии — тоже польского короля (Владислава IV), в момент же действия пьесы — претендента на московский престол), бывшего царя Василия Шуйского, донского атамана Ивана Заруцкого; никто из них непосредственно на сцене не появляется на протяжении всей пьесы. Нередки подобные внесценические персонажи и в других трагедиях: в «Тамире и Селиме» М. В. Ломоносова, где, в частности, названы великий князь Литовский Ольгерд и великий князь Рязанский Олег Иванович, или в «Димитрии Донском» В. А. Озерова, где встречаются упоминания Мамая, Олега Рязанского, предков Димитрия — Ивана Калиты и Симеона, киевских князей Владимира и Ярослава (сознательно указываю на трагедии, разделенные значительным времененным периодом). Не участвующих в действии героев можно обнаружить и в некоторых трагедиях Сумарокова; например, в «Димитрии Самозванце» названы имена Бориса Годунова, Ивана Грозного, московского патриарха Игнатия, папы римского Климента VIII, мифологической Мегеры. И все же, повторимся, антропонимы, относящиеся к действующим лицам, полностью доминируют в тексте трагедий классицизма, бесспорно составляя большинство встречающихся в них личных имен. Они представляют собой или самообозначения персонажей, или же указывают на других героев, как правило присутствующих тут же, на сцене, т. е. оказываются наименованиями собеседников, находящихся в ситуации прямого общения. Частотность этих номинаций достаточно велика, о чем свидетельствуют тексты трагедий Сумарокова: в «Артистоне» обнаруживаем 262 случая прямого или косвенного обозначения антропонимов, в «Димитрии

¹⁴ Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1988. С. 30, 125, 131.

¹⁵ Сумароков А. П. Драматические сочинения. Л., 1990. С. 44. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием номера страницы.

Самозванце» — 141 случай; уже отмечалось, что в «Хореве» зафиксировано 282 употребления личных имен. Именно драматические сочинения Сумарокова и будут служить основным материалом для дальнейшего анализа. Их выбор обусловлен прежде всего ролью поэта в формировании и развитии трагедийного жанра в литературе русского классицизма; он не просто был первым русским трагиком, но и определил во многом дальнейшее развитие жанра. Поэтому его пьесы в достаточной мере репрезентативны для трагедии в целом, и, хотя произведения других авторов, несомненно, отмечены индивидуальным своеобразием, рассмотрение текстов Сумарокова дает определенное основание для выводов, касающихся всего жанра в целом; во всяком случае, в отношении употребления антропонимов.

Одной из сразу же бросающихся в глаза особенностей функционирования личных имен в трагедиях является вариативность номинации героев: для указания на них далеко не всегда используется антропоним, очень часто вместо него появляется его синонимический заместитель, связанный с семантическими трансформациями разных типов. Некоторые текстовые фрагменты вместо прямой номинации персонажей наполнены косвенными их обозначениями (или самообозначениями). Так, в 7 явл. 5 д. трагедии Сумарокова «Артистона» герои названы 13 раз, причем только 2 раза мы видим прямую номинацию: Федима произносит имя Дария («Уж таинство свое я Дарию открыла», с. 184), и Гикарн тоже один раз поименован прямо («...К чему, Гикарн, так поздно лицемерить?», с. 185). В других же 11 случаях действующие лица обозначаются через тропологические замены личного имени именем нарицательным или же словосочетанием, т. е. посредством антономазии в самом широком ее понимании¹⁶ и períфразы. В первом же стихе этого явления Гикарн назван «проклятой душой» («Проклятая душа, что днесь ты сотворила?», с. 184), затем «разбойником» (с. 185). Артистона определяется как «княжна» и «царевна» (с. 185), а Оркант — как «супруг» (с. 185) и «брать» (с. 186) и т. д. И пример финала «Артистоны» достаточно в данном отношении показателен.

Стилистическая функция подобных замещений достаточно очевидна, они продиктованы стремлением автора избежать неизбежных повторов. Большой интерес представляют их семантические функции, дополнительные художественные смыслы, которые они вносят в содержательное поле трагедийного текста. Наиболее очевидным здесь является то, что тропологические замещения личного имени четко очерчивают аксиологические параметры текста, оценки, которые получает в пьесе тот или другой персонаж. Эти оценки могут быть ситуативными и способствовать развитию интриги: например, в 1 д. «Артистоны» заглавная героиня названа «злодейкой» и «изменницей», что никак не связано с сущностью ее характера и ее поведением в пьесе. Такая

¹⁶ См., например, определение антономазии в «Кратком руководстве к красноречию» М. В. Ломоносова: «Антономазия есть взаимная перемена имен собственных и нарицательных, что бывает, 1) когда употребляется имя собственное вместо нарицательного, например: *Самсон* или *Геркулес* вместо *сильного*, *Крез* вместо *богатого*, *Цицерон* вместо *красноречивого*; 2) нарицательное вместо собственного: *Апостол пишет*, то есть *Павел*; *стихотворец говорит*, то есть *Виргилий*; 3) когда предки или основатели полагаются вместо потомков, напр.: *Славен* вместо *славян*, *Иуда* вместо *еврейского народа*; 4) имя отечественное вместо собственного: *арпинянин* вместо *Цицерона*, *тroyин* вместо *Енея*; 5) стихотворцы нередко полагают свое собственное имя вместо местоимения *я*, как *Овидий* нередко называет себя своим прозванием *Назон*» (Ломоносов М. В. Краткое руководство к красноречию... // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: В 10 т. М.; Л., 1952. Т. 7. Труды по филологии 1739–1758 гг. С. 248). Ср. также современное исследование, в котором используется широкое понимание термина: *Арутюнян М. А. Структура, семантика и pragmatika стилистического приема «антономазия» на материалах немецкого языка. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2010.*

оценка, связанная с сюжетными коллизиями драматического текста, свидетельствует о непонимании Артистоны ее возлюбленным — Оркантом, непонимании, во многом спровоцированном сестрой Орканта Федимой, стремящейся Артистону погубить.

В других случаях оценочный компонент, заключенный в антономазии / перифразе,¹⁷ может оставаться неизменным на протяжении всего действия. Так, заглавный персонаж в «Димитрии Самозванце» Сумарокова в реплике Ксении из 6 явл. 1 д. определен так: «Сей варвар аспида и василиска зляй» (с. 257). Это — взгляд боящейся и ненавидящей Димитрия героини, однако он отражает общее отношение к Самозванцу, повторяясь в других косвенных номинациях: «тать венца, убийца и тиран» (с. 261), «мучитель» (с. 261), «злодей» (с. 266), «враг общества» (с. 267). Уместно указать в этой связи на то, что последняя отсылка к имени в трагедии, относящаяся к Димитрию — «тиран» (с. 292). Подобная аксиологическая константа по отношению к персонажу обусловлена уже не интригой, но постоянством перспективы в мире трагедии, в котором герои всегда и всюду равны самим себе; всем им ясна ценностная иерархия Вселенной, в соответствии с которой они оцениваются автором, сами оценивают окружающих, да и себя тоже.

Но, как было сказано, данное семантическое обогащение достаточно очевидно. Более интересным кажется другое явление, также связанное с антономастическими и перифрастическими заменами имен собственных; его можно определить как актуализацию — посредством тропологических замещений — темы рода, родовой судьбы, родовых связей. Надо отметить, что данный тематический комплекс выражается в трагедии и другими средствами: словами и поступками действующих лиц, т. е. их прямым общением и развитием действия. Но в большинстве случаев тема рода предстает в сценическом пространстве в локальном, усеченнем виде — она выступает преимущественно как взаимоотношения родителей и детей: дочь / сын (брать / сестра) выбирают между любовью к своему избраннику и требованиями сыновнего / дочернего / братского долга (Кий — Хорев — Оснельда в «Хореве»; Синав — Трувор — Ильмена в «Синаве и Труворе»; в несколько усложненном варианте: Олег — Оскольд — Ростислав — Семира в «Семире»). Семантические трансформации антропонимов смягчают эту ограниченность; они, так сказать, расширяют тему рода и делают родовую принадлежность героя важной не в одни отдельные (пусть и поворотные) моменты его жизни, но всегда. Это достигается, в частности, тем, что антономазии и перифразы имени сопровождают героя на протяжении всего текста, они принадлежат не только ему (как, обыкновенно, прямые рассуждения о родовом долге), но и другим персонажам. Более того, они указывают на позицию автора, на его понимание героя; а именно в зоне автора герой классицистической трагедии обнаруживает собственную цельность и внутренне свое существо.¹⁸ Тем самым понятие рода приобретает особо важный смысл.

Актуализация этой темы происходит, как правило, уже в начале пьесы и сохраняется на протяжении всего действия. В «Димитрии Самозванце» уже в 4 явл. 1 д. заглавный герой обозначен как «сын монарха Иоанна» (с. 254),

¹⁷ Антономазия и в особенности перифраза являются важнейшими стилистическими приемами классицистической поэзии. См. тонкое исследование: Жирмунский В. М. Задачи поэтики // Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1977. С. 39–47. О теории перифразы см., в частности: Бытева Т. И. Очерки по русской перифразистике: Монография. М., 2008.

¹⁸ См. об этом: Бухаркин П. Е. Автор в трагедии классицизма (предварительные замечания) // Петербургский сборник. СПб., 1996. Вып. 2. Автор и текст / Под ред. В. М. Марковича и В. Шмидта. С. 84–104.

причем тут же указан и его, так сказать, родовой враг — «злонравный Годунов» (с. 254): Димитрий вернул себе то, «что отнял Годунов» (с. 248). И в «Артистоне» сразу же выделяется родство Артистоны с Киром — «дочь Кира» (с. 139), и впоследствии это определение применяется к ней постоянно: «дочь Кирова» (с. 174), «царска дщерь» (с. 175), «дочь великого царя» (с. 177). Это придает дополнительную сложность ее взаимоотношениям с Дарием, не только царем, желающим на ней, против ее воли, жениться, но и человеком, в конечном счете занявшим трон ее отца. То, что предполагаемое замужество должно возвести героиню на отцовский трон — «Киров трон» (с. 150), несколько раз акцентируется в тексте, что вносит в трагедию тему династических, т. е. родовых отношений, при этом — весьма острых. То же обнаруживается и в «Хореве»; в нем, с первых же сцен, имя Завлоха, «бывшего князя Киева-града» (с. 36), заменяется указанием на его родственные отношения с Оснельдой — «бесчадный отец» (с. 37), «родитель мой» (с. 38), «отец» (с. 39), снова «родитель» (с. 39). Отблеск темы рода при этом падает прежде всего на Оснельду — именно она оказывается носительницей родовой памяти, с ней в семантическое поле текста входит уже не просто родовая тема, но тема борьбы родов, отчины — и родовой мести.

Нечто похожее можно заметить и в трагедии «Семира». Связь с родом, тем самым, начинает выходить за границы сыновне-братско-дочернего послушания; осознание себя членом того или иного рода становится одним из определяющих все существование героя начал. Стоит в этой связи обратить внимание на то, что выбор персонажем родового долга, т. е. его поведение, продиктованное прежде всего интересами рода, а не личных страстей (любви), свидетельствует о правильности его выбора, в то время как нарушение этого долга говорит о его эзистенциальной ошибке, наделяющей его трагической виной, которая им самим отчетливо осознается. Финальные сцены «Хорева» и «Синава и Трувора» оказываются здесь предельно выразительными.

Только что отмеченные смысловые обертоны начинают звучать в трагедии русского классицизма преимущественно в связи с тропологическими вариациями антропонимов. Благодаря им происходит, в частности, содержательное обогащение текста, придающее ему многонаправленность. Надо сказать, что тема рода, особенно в варианте родовой (династической) борьбы, в контексте политической жизни Российской империи середины XVIII столетия приобретала отчетливый политический оттенок.¹⁹ Однако рассмотренные выше примеры говорят, что — не только политический: тема рода в классицистической трагедии вовсе не исчерпывается одной злободневностью, она там поворачивается и совершенно иной своей стороной, уводящей к истокам жанра, в ней начинает прступать одна из главных основ архаического варианта трагедии (т. е. трагедии античной, в первую очередь древнегреческой) — тема рода как такового, родовой судьбы и вины. Здесь, впрочем, необходимы некоторые комментарии. Во-первых, соотнесенность родовой темы в русских пьесах XVIII века с жанровой памятью о древних ее истоках лишена отчетливости, напротив, она скорее затушевана и, главное, крайне модифицирована.²⁰ Во-вторых, актуализация темы рода нисколько не препятствует политической направленности пьесы. Не препятствует, однако

¹⁹ Из последних работ о политическом звучании трагедий Сумарокова см.: *Ospovat K. Terror and Pity: Aleksandr Sumarov and the Theater of Power in Elizabethan Russia*. Boston, 2016.

²⁰ См. новые работы о родовой памяти и родовой вине в античной культуре: *Gagné R. Ancestral Fault in ancient Greece*. Cambridge, 2013 (о данной проблематике в греческой трагедии см. p. 344–445); *Kyriakou P. The Past in Aeschylus and Sophocles*. Berlin; Boston, 2011.

существенно обогащает: трагические герои делают свой выбор не просто как гражданин; на их поступки и особенно на выраженные в их словах размышления оказывает воздействие родовая память, их осознание себя представителями тех или иных родов. Само по себе это, возможно, не так уж и важно и не выводит принципиально трагических героев из области сугубо политических пристрастий и замыслов. Более того, чувство рода важно для художественных миров и других жанров, в частности торжественной оды. Но там семантическое обогащение, связанное с темой родственных отношений, не приводит к значительному расширению и трансформациям смысла, к перенаправлению магистрального смыслового сюжета; оно лишь дополняет то, что и так лежит на поверхности — в оде экспликация родовых связей «героев» полностью соответствует политическим интенциям текста и ими, в целом, ограничивается. А вот в классицистической трагедии ситуация сложнее.

В трагедийном мире, благодаря памяти жанра, понимание герояем самого себя как прежде всего человека рода не только усложняет его образ, но и расширяет и принципиально модифицирует драматический конфликт, подымая его над политической конкретностью и перенося в область больших, отчасти — и вечных, пространств. Это позволяет увидеть в галантно-политической трагедии классицизма, в том числе и русского, не пастиш, но органичное и равноправное звено в сложной эволюции жанра.

3

Другие аспекты проблем, связанных с семантикой и функционированием антропонимов в высоких литературных жанрах XVIII века, обнаруживает обращение к похвальной оде. В этом жанре особенно ярко ощутимо функционирование антропонимов в качестве формульных элементов поэтических произведений эпохи «готового слова».²¹ Рассмотрение функционирования имен в торжественной оде позволяет увидеть особую «антропонимическую формульность» в русской поэзии XVIII века, причем эта формульность часто связана с устойчивыми употреблениями антропонимов в переносном значении. Рассмотрим основные формы и примеры семантических переосмыслений личных имен в одической поэзии В. К. Тредиаковского, М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова, В. П. Петрова и М. М. Хераскова.²² Несколько схематизируя достаточно разнородный материал, можно выделить в нем семь основных типов семантических преобразований.

²¹ О формульности русской торжественной оды писали многие исследователи, которые обращались к анализу этого жанра: О. Покотилова, Е. Гречищева, В. Дороватовская, И. И. Соловин, Г. А. Гуковский, Л. В. Пумпянский, И. З. Серман, Е. А. Погосян, Н. Ю. Алексеева, К. Ф. Тарановский, М. Л. Гаспаров, М. И. Шапир и др. Ср. также любопытное новейшее стиховедческое исследование: *Tverianovich K. Rhythm and Syntax in Aleksandr Sumarokov's Odes // Quantitative approaches to versification / Ed. by Petr Plecháč, Barry P. Scherr, Tatyana Skulacheva, Helena Bermúdez-Sabel, Robert Kolár. Prague, 2019. P. 255–262.*

²² Ниже цитаты из од этих авторов приводятся по следующим изданиям: *Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1959. Т. 8; Петров В. П. Выбор Максима Амелина. М., 2016; Сумароков А. П. Оды торжественные. Елегии любовные / Изд. подг. Р. Вроон. М., 2009; Тредиаковский В. К. Сочинения и переводы как стихами, так и прозою / Изд. подг. Н. Ю. Алексеева. СПб., 2009 (сер. «Литературные памятники»); Херасков М. М. Творения: В 12 ч. М., 1796–1803. Ч. 7.* Ссылки даются сокращенно, с указанием фамилии автора и номера страницы издания.

1. Антропоним вместо нарицательного существительного

Антономазия в основном понимании этого термина — собственное имя в значении нарицательного²³ — является весьма продуктивным приемом русской оды. Приведем наиболее частотные антропонимы этого типа.

Алцид (Алкид), Ахиллес, Геркулес, Иракл ‘храбрый воин, герой’: «Зришь, Алциды уж готовы» (Тредиаковский, 154); «То не матерь басней Троя / Не один тут Ахиллес: / Каждый рядовой из строя / Мужеством есть Геркулес» (Тредиаковский, 152); «Под инну Трою вновь приступит / Российский храбрый Ахиллес» (Ломоносов, 106); «Един лишь может устремиться / Российский может Геркулес» (Ломоносов, 563); «Ираклы новы и Язоны» (Петров, 222); «Пойдет Российский Ахиллес» (Сумароков, 139); «Российский будет Геркулес» (Херасков, 172; о великом князе Александре Павловиче).

Марс ‘армия, военные силы государства и государство в целом’: «И Марс Российский не гремел» (Сумароков, 45); «Покойся Марс Российской ныне, / Под тенью мира отдыхай, И песни ко Екатерине / В безранной тишине внимай» (Херасков, 87).²⁴

Моисей ‘великий законодатель’: «Щедроты окиян излей / Помазанный святым елеем; Мафусаилов век владей, / В законах буди Моисеем» (Херасков, 204).

Невтон ‘ученый-естествоиспытатель’, *Платон* ‘философ’: «...может собственных Платонов / И быстрых разумом Невтонов / Российская земля рождать» (Ломоносов, 206).²⁵

Пиндар ‘одицкий поэт’: «Там новый возгрэмит Пиндар» (Петров, 52).

Соломон ‘мудрец’: «Меж них он был бы Соломон» (Петров, 82); «А Ты яви нам Соломона, / Будь Павел Первый, Первый Петр» (Херасков, 198).

Фаэтон ‘безрассудный самонадеянный человек или народ’: «Там, видя выше горизонта / Входяща Готфска Фаэтонта» (Ломоносов, 86; о шведах);²⁶ «Уа!.. упали Фаэтонты / Стремнистых с высоты оград!» (Петров, 160; о турках); «А я с горяща горизонта, / Низпадша вижу Фаэтонта» (Сумароков, 96); «Низвержен гордый фаэтонт» (Сумароков, 187).

²³ Ср. цитируемый выше фрагмент из «Краткого руководства к красноречию» Ломоносова.

²⁴ В русской одической поэзии обнаруживается большое количество мифологических имен в контекстах, представляющих собой иносказание. Важной особенностью их функционирования является то обстоятельство, что часто, наряду с иносказательно-аллегорическим смыслом, эти контексты сохраняют и прямое значение мифологического имени. Приведем пример из ломоносовской оды: «...Марс кровавый не дерзает / Руки своей простерти к нам, / Твои он силы почитает / И власть, подобну небесам» (Ломоносов, 219). Марс — римский бог войны — оказывается таким же героем ломоносовской оды, каким является императрица Елизавета Петровна; с другой стороны, в этом образе можно усмотреть аллегорию войны, воинственности. Такая двойственность интерпретации является неотъемлемой чертой мифа как вида поэтического иносказания, при котором некая общая идея мыслится в виде живого существа (Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1995. С. 174). Ср. несколько сходных примеров: «В полях кровавых Марс страшился, / Свой меч в Петровых зря руках, / И с трепетом Нептун чудился, / Взирая на Российский флаг» (Ломоносов, 200); «Тобою (Екатериной. — П. Б., Е. М.), с нами обитает / Драгой неоцененный мир: / Безстрашно на лугах летает / По царству Флорину Зефир: / Косою смерти, Марс не машет, / Спокойно земледелец пашет» (Сумароков, 107–108). О семантике мифологических имен в русской литературе XVIII века см., в частности: Войнова Л. А. Функционально-семантические особенности мифологических собственных имен и показ их в историческом словаре XVIII в. // Проблемы исторической лексикографии / Отв. ред. Ю. С. Сорокин. Л., 1977. С. 121–129.

²⁵ Ср. развитие приема у Сумарокова: «Твоя сияюща корона, / В России Локка и Невтона, / И всех премудрых оживит» (Сумароков, 39); см. ниже еще один пример из оды Сумарокова, в котором сохраняется ломоносовская антропонимическая рифма.

²⁶ Ср. также уподобление Фаэтонту Мемеля у Ломоносова: «Там Мемель, в виде Фаэтонта / Стремглав летя, Нимф прослезил» (Ломоносов, 652).

Мифологические имена в значении нарицательных существительных могут в некоторых случаях получать вторичное — метафорическое — переосмысление. Например, имя *Аврора* ‘заря’ в одической поэзии может получать значение ‘о начале новой эпохи’: «Породы Царской Ветвь прекрасна, / Моя Надежда, Радость, Свет, / Щастливых дней *Аврора* ясна, / Монарх-Младенец, райской Цвет» (Ломоносов, 35; к Иоанну Антоновичу); «Прекрасно солнце на восходе / Приносит нову жизнь Природе / *Аврора* тако Ваших дней, / Любовь и качества душевны / Сулят нам радости полдневны» (Херасков, 145; к сочетающимся браком Павлу Петровичу и Наталии Алексеевне).

2. Антропоним, замещающий другой антропоним

Следующим распространенным приемом поэтического языка русской оды является использование антропонима вместо другого антропонима. В этих случаях имя выполняет функцию устойчивого эпитета или «имени-титула»,²⁷ который присваивался тому или иному историческому персонажу.

Об Александре I: «Тебе родился *Аполлон*» (Петров, 120; обращение к музею).

О Екатерине II: «О честь тебе, Орлов, / Содейственник *Astreui!*» (Петров, 64); «Россия оком умиленным <...> Младому Павлу говорит: // „О ты, цветущая отрада, / О верность чаяний моих! / Тебя родила мне *Паллада* / Для продолженья дней златых...“» (Ломоносов, 798); «Мы именем *Семирамиды* / Разсыплем пышны пирамиды» (Сумароков, 143); «*Минерва*, царствующа нами» (Херасков, 186).

О П. А. Румянцеве: «Подносит лавры и оливы, / Екатерине ахиллес» (Сумароков, 187); «*Перикл*, алькивияд российский» (Сумароков, 187).

3. Антропоним в значении этнонима или топонима

В одической поэзии XVIII века встречаются примеры, когда антропоним заменяет собой топоним или этноним (последнее — второй, по Ломоносову, тип антономазии: «когда предки или основатели полагаются вместо потомков»²⁸). Чаще всего такой тип преобразования используется при обозначении *Турции* и *турок*:

- а) «И изгнанна *Агарь* из врат» (Сумароков, 143); «И тешишь плачуши *Агарь*» (Петров, 76);
- б) «Ражженный яростью *Магмет*» (Ломоносов, 773); «Где нет *Магмеда*, тамо мир» (Петров, 56).

У В. К. Тредиаковского встретился пример необычного использования мифонима *Нептун*: «Станислава (Лещинского. — П. Б., Е. М.) принимает, / Ищет дважды кой венца, / В свой округ и уповаает / Быть в защите до конца / Чрез востекшего *Нептуна*» (Тредиаковский, 153; о Гданьске). Здесь мифологическое имя обозначает топоним — реку Вислу (Тредиаковский, 584).

4. Антропоним в составе períphrase

Перифраза — одна из характерных особенностей поэтического языка русской оды. Наш материал показывает, что в большинстве случаев в состав períphrase входит антропоним, например:

О Екатерине II: «О волн евксинских *Амфитрита!*» (Петров, 161).

²⁷ Прокурина В. Мифы империи. Литература и власть в эпоху Екатерины II. М., 2006. С. 59.

²⁸ Ломоносов М. В. Краткое руководство к красноречию... С. 248.

О турках: «А ты, *агари племя*, знай» (Сумароков, 183); «Готовься *Агареин род*» (Херасков, 140).²⁹

Об Алкивиаде: «*Сократов ученик и друг*» (Сумароков, 96).³⁰

Значительное число перифраз в одах включают в себя знаковое для русской панегирической поэзии XVIII века имя *Петр*, которое включается в целый ряд перифрастических моделей: *Петров град*, *Петров дом*, *Петровы стены* и др.

О Петербурге: «Из всех градов везде *Петрову граду*» (Тредиаковский, 164); «Красуются *Петровы стены*» (Ломоносов, 60).

Об императорской семье: «Господь умножил *дом Петров*» (Ломоносов, 632); «Что вносиши в *Петров* ты *дом?*» (Петров, 113).³¹

Во многих случаях основой перифраз с именем *Петр* являются термины родства (*дочь, дед, внук, правнук*).

О Елизавете: «Мы славу *Дщери зrim Петровой*» (Ломоносов, 82); «О Монарх наш, *дочь Петрова*» (Сумароков, 31).

О Петре Федоровиче: «И тем почти *Петрова внука*» (Ломоносов, 104).

О Екатерине II: «Что ныне, чтя *Петрову Внуку / Пою*, как пел Петрову Дщерь» (Ломоносов, 789).

О Павле I: «К нам *Правнук* шествует *Петров!*» (Херасков, 201).

Разумеется, перифразы с терминами родства могут содержать и другие исторические имена (о Екатерине II: «*России всей и Павла Мать*» (Херасков, 222)) или имена мифологические (об Афине: «*Дщерь Зевса мысли воздымать, / Охоты вашей приумножит*»; о Деметре: «*Прекрасной Прозерпины мать, / Свое искусство вам приложит*» (Сумароков, 139)).

Двумя другими продуктивными типами являются перифразы с компонентами *российский / российский* (а) и *новый* (б).

а) О Екатерине II: «В *Российской* волю Амфитриды» (Ломоносов, 797); «От стрел *Российская Дианы*» (Ломоносов, 749); «От *Россия Семирамиды* / Падут над Нилом пирамиды» (Сумароков, 148); «*Минерва Росска* громы ме-щет» (Сумароков, 143); «И славно имя возвышал, / *Российской* щастливой паллады» (Сумароков, 153); «*Российская Фетида* вскоре, / Восколебала горы, лес» (Сумароков, 161).

О П. А. Румянцеве: «Перикл, алькивияд *российский*» (Сумароков, 187).

О П. И. Панине: «*Перикла Росска* не забудет» (Сумароков, 157).

О русских воинах: «*Сыны Российской Алькмены, / Проломят самы тверды стены*» (Сумароков, 65).

б) О Елизавете Петровне: «Ты *новый Александр* теперь» (Сумароков, 46).

О военачальнике: «О буди кто из нас готовый, / Нам вождь Перикл, иль *Минних новый*, / На нуждны казни внешняя зла!» (Сумароков, 96).

О Платоне Левшине: «И слыща *нова Феофана*» (Сумароков, 157).

О Г. А. Потемкине: «Как в сердце ты моем, *Феб новый*, ощущился» (Петров, 107).

Встречаются случаи, когда две вышеуказанные перифрастические модели соединяются в одном контексте, например: «...*Россия Минервы Внук* (Александр Павлович. — П. Б., Е. М.) / Умножил древней славы звук» (Херасков, 168).

²⁹ Ср. также перифразу у Ломоносова, из которой исключен антропоним: «*То род отверженной рабы, / В горах огнем наполнив рвы, / Металл и пламень в дол бросает*» (Ломоносов, 19).

³⁰ Здесь мы сталкиваемся с примером «двойного иносказания»: *Сократов ученик и друг* — это перифрастическое именование Алкивиада, которое используется в переносном значении ‘военачальник, полководец’ (см. выше более широкий контекст сумароковской оды).

³¹ Ср. о Турции: «Исполнил страхом лес, долины / Отчаяньем *Махметов дом*» (Херасков, 164).

5. Антропоним в составе устойчивого сочетания

Антропонимы в русской оде могут входить в состав устойчивых сочетаний, имеющих мифологический или библейский источник.

Век Астреи, Астреины часы, Августовы лета ‘золотой век, счастливая пора’: «Как пели во златые дни, / Или как в век Астреин пели» (Херасков, 195); «Уже Россия дождалась / Златых Астреиных часов» (Херасков, 132);³² «Настали Августовы лета» (Сумароков, 95).³³

Затворить Яновы врата, закрыть вход во Янов дом, затворить Янов дом ‘прекратить войну’: «Твоей затворяется рукою, / Разверсты яновы врата» (Сумароков, 164); «Премудрыя минервы персты, / Закрыли вход во янов дом» (Сумароков, 186); «И янов затворили дом» (Сумароков, 187).

Мафусаилов век ‘о долголетии’: «Мафусаилов век владей, / В законах буди Моисеем» (Херасков, 204; обращение к Павлу I).

6. Антропонимические рифмы

В качестве особого поэтического приема поэтического языка русской оды следует рассмотреть антропонимические рифмы, т. е. те случаи, когда на рифменной позиции, представляющей композиционно сильное место поэтического текста, оказываются два антропонима. Например: «...может собственных Платонов / И быстрых разумом Невтонов / Российская земля рождать» (Ломоносов, 206); «Узрим божественна Платона, / Сократа, Локка и Невтона, / И хитростям да дастся дань, / В Апелле и во Праксителе: Гомеров дух у Росса в теле» (Сумароков, 124); «Не сладким сном в ночи прельщает / Народы дремлющи Морфей; / Не басни Амфион вещает, / Не камни движет здесь Орфей» (Херасков, 121). Приведенные примеры из од Ломоносова и Сумарокова демонстрируют, что антропонимическая рифма может быть предметом заимствования одного одического поэта у другого.³⁴

7. Обыгрывание антропонимов, относящихся к соиленным героям

Актуализация внутренней формы антропонима была излюбленным приемом поэтики барокко.³⁵ Один из способов такой актуализации в русской оде — сопоставление имени того или иного героя с соиенным ему героем прошлого. О таком приеме на материале русской поэзии XVII века писала Л. И. Сазонова: «Поэтика двоящегося образа, берущая начало в принципе отражения <...> использовала имя как аллегорию. Имя царя Алексея Михайловича — также имя Алексея Человека Божия. Зеркальное отражение имен святого и царя-тезки образует лестный для царя аллюзивный образ, и святой

³² О связях мифа об Астрее с идеологией в эпоху Екатерины II см., в частности: *Проскурина В. Мифы империи...* С. 57–104.

³³ Ср. у Ломоносова в незавершенном «Слове благодарственном Елизавете Петровне 1760 года»: «Подвигнется Европа; ученые, возвращаясь в отчество, станут сказывать: мы были во граде Петрове, гроб его видели, мы видели Елизавету, мы видели чудныя дела Божия и Петровы, мы видели там Августово время, Меценатов» (Ломоносов, 684).

³⁴ О других примерах заимствования рифмы (в том числе с антропонимами) одного одического поэта у другого см.: *Матвеев Е. М. Оды В. П. Петрова и оды М. В. Ломоносова: словесная и ритмико-сintаксическая формульность // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2018. Т. 15. Вып. 3. С. 360–361.*

³⁵ О различных формах реализации риторического топоса имени см.: *Keipert H. Nomen est omen. Etymologie als Denkform bei russischen Autoren des 17. Jahrhunderts // Sprache, Literatur und Geschichte der Altgläubigen. Akten des Heidelberger Symposions vom 28. bis 30. April 1986 / Hrsg. von B. Panzer. Heidelberg, 1988. S. 100–132; Сазонова Л. И. Имя в риторике и поэзии XVII века у восточных славян // Славяноведение. 2002. № 1. С. 4–22.*

выступает уже не только как самостоятельный персонаж, но как аллегория».³⁶ В русской оде XVIII века встречаем подобные примеры «двоящихся образов». Приведем фрагмент из оды Хераскова на день рождения великого князя Александра Павловича 1777 года: «Се новый Александр родился / И берег Невский возгордился, / Что Россия Минервы Внук / Умножит древней славы звук» (Херасков, 168). Имя новорожденного великого князя не случайно сопровождается прилагательным *новый*: вторая строка, содержащая топоним *Невский*, одновременно являющийся прозвищем знаменитого новгородского князя, небесного покровителя будущего императора, вводит сопоставление с Александром *древним*. Таким образом, семантика имени, отсылающая одновременно к двум денотатам, раздваивается — реализуется тот самый барочный принцип отражения.

Сопоставления соименных героев в одах зачастую связаны с именем *Петр*. Например, в оде великой княгине Наталии Алексеевне (1773) Сумарокова есть такой фрагмент: «Наталия Красой прельстила, / И нам Петра произро-стила; / Яви нам новые цветы, / Плоды последуют за ними: / Наталия судьбами сими, / Произности Петра и ты!» (Сумароков, 168). Автор обыгрывает соименство матери Петра I, Н. К. Нарышкиной, и супруги великого князя Павла Петровича (Сумароков, 350). Как видно, здесь в аллегорической функции выступает Петр I: одописец надеется, что у Павла Петровича и Наталии Алексеевны родится младенец, который станет реформатором, выдающимся правителем и будет во всем подобен своему великому прапрадеду.

В одической поэзии в некоторых случаях антропонимы *Петр* и *Екатерина* превращаются в нарицательные обозначения свойств идеального государя. Ср. у Хераскова: «Великаго Петра представит / Она (Екатерина II. — П. Б., Е. М.) во Павле молодом» (Херасков, 89); «Вселенна Павлу удивится, / Екатерина в Нем явится, / Явится в Нем Великий Петр» (Херасков, 194).

Любопытный пример «антропонимической амплификации», соединяющей различные формы поэтического переосмысливания одного мифологического имени в одном фрагменте оды, находим у В. П. Петрова в оде П. А. Румянцеву-Задунайскому: «С высот Фракийских гор то видя, Марс чудится, / Ровнять с собой вождя россиян не стыдится. / „Сколь долго я, — речет, — с людьми ни обитал, / Не зрел, кто бы так побед на крыльях летал. / Отныне на моей я ввек вселюсь планете, / Румянцев — Марс; почто двоим быть в том же свете? <...> / Марс рек, и новый Марс вдруг миром брань венчал» (Петров, 99). В этих строках развивается характерная для русской оды тема соперничества русского XVIII века с античностью:³⁷ бог Марс уступает место новому Марсу — Румянцеву и отправляется «в ссылку» на одноименную планету. Имя *Марс* используется в трех различных функциях: 1) как имя героя оды, обладающего мифологической двойственностью (Марс, как и Румянцев, — персонаж одической мифологии / Марс — аллегория войны), 2) как антономазия («Румянцев — Марс»), 3) в составе períphrase (Румянцев — «новый Марс»).

Проанализированные примеры, во-первых, демонстрируют богатый антропонимический тезаурус русской оды, в который входят мифологические, библейские и исторические имена.³⁸ «Имя исторической личности в лириче-

³⁶ Там же. С. 11.

³⁷ См. другие подобные примеры: Матвеев Е. М. Антропонимы в торжественных одах М. В. Ломоносова и В. П. Петрова // Литературная культура России XVIII века. СПб., 2019. Вып. 8 / Под ред. П. Е. Бухаркина, Е. М. Матвеева. С. 84–85.

³⁸ На материале од М. В. Ломоносова это богатство было продемонстрировано Т. Е. Абрамзон. См.: Абрамзон Т. Е. Одический тезаурус антонимов, теонимов и топонимов (на материале 20-ти торжественных од М. В. Ломоносова). Магнитогорск, 2004.

ском стихотворении — это редкость в принципе»,³⁹ — заметил С. Г. Бочаров. Русская ода, как жанр риторический, демонстрирует обратное: исторические имена, наряду с именами мифологическими и библейскими, формируют ее поэтику, входят в число ее общих мест. Во-вторых, видно, что как сами имена, так и формы их семантических переосмыслений в представленном корпусе примеров многократно повторяются: на материале антропонимов особенно ярко ощущима специфика блочного одического мышления, при котором «использование одного элемента блока предполагает следующие элементы».⁴⁰ В-третьих, обращает на себя внимание, что большинство выявленных нами форм семантических переосмыслений имен в оде связаны с уподоблением одного персонажа другому. В. А. Кузнецов, который проанализировал характерные для эпохи классицизма поэтические уподобления писателям, «на чей эстетический опыт ориентирована данная национальная литература, с чьим именем связана отправная или функционально важная точка в развитии жанра», отмечал, что «выделимость жанра определяется через отнесенность к лицу, к конкретному имени».⁴¹ Та же персонализированность классицистического сознания проявляется и в уподоблениях героев оды мифологическим, библейским и историческим персонажам. Во многом именно за счет этих описанных нами разнообразных по форме уподоблений в торжественной оде, опирающейся на «готовое слово» и «„готовое представление“ о действительности»,⁴² формируется образ идеальной реальности.

³⁹ Бочаров С. Г. А мы, Леонтьева и Тютчева... Об одном стихотворении Георгия Иванова // Бочаров С. Г. Филологические сюжеты. М., 2007. С. 416.

⁴⁰ Алексеева Н. Ю. Русская ода: Развитие одической формы в XVII–XVIII веках. СПб., 2005. С. 296.

⁴¹ Кузнецов В. А. Поэтические уподобления в русской литературе XVIII в. (к вопросу о персонализированности классицистического эстетического сознания) // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 1993. Вып. 1. № 2. С. 74.

⁴² Михайлов А. В. Поэтика барокко: завершение риторической эпохи // Михайлов А. В. Языки культуры. М., 1997. С. 117; Алексеева Н. Ю. Русская ода. С. 197.